

Т. Г. Трофимович

Переводы произведений А. С. Пушкина на белорусский язык: семантический аспект

Аннотация. В статье рассматриваются особенности переводов пушкинских произведений на белорусский язык. Основное внимание уделяется анализу семантических соотношений русских и белорусских языковых единиц, выявлению способов достижения смысловой адекватности или близости.

Ключевые слова: близкородственные языки, перевод, соотношение семантики, языковые единицы, поэтический текст, коннотация, стилистическая окраска.

В настоящее время никто не ставит под сомнение факт существования Пушкинианы – совокупности произведений литературы и искусства, посвященных А. С. Пушкину, или совокупности изданий его произведений. У белорусов есть все основания говорить о существовании белорусской Пушкинианы, имея в виду не только упомянутое понимание ее сущности. Белорусской Пушкинианой с уверенностью можно считать совокупность всех существующих переводов великого автора на белорусский язык [Пушкиниана].

История переводов произведений А. С. Пушкина на белорусский язык насчитывает не одно десятилетие. Установлено, что первым был перевод стихотворения «Эхо», выполненный Адамом Гуриновичем (1869-1894) и опубликованный только в 1956 году. Мастера белорусского слова постоянно обращались к великому пушкинскому наследию. В списке переводчиков имена классиков белорусской литературы: Я. Колас, Я. Купала, А. Кулешов, П. Глебка, П. Бровка, М. Танк, М. Лужанин и др. В 1993 году вышел двухтомник избранных произведений А. С. Пушкина на белорусском языке, в котором помещены переводы еще двадцати авторов. Некоторые стихотворения и поэмы имеют по 3-7 переводных версий. Так, стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» бытует как минимум в семи версиях [Пушкин 1999: 212].

Такое пристальное внимание к пушкинскому творчеству объясняется не только его содержательными и идейными достижениями и инновациями, но и осознанием той роли, которую сыграл великий автор в истории русского литературного языка. Академик В. В. Виноградов справедливо указывал: «В языке Пушкина вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и нашла решительное преобразование» [Виноградов 1982: 250]. Созданный таким образом литературный язык не мог не оказывать благоприятного влияния на язык близкородственный, с которым он вступал в контакт в процессе переводов.

Есть все основания считать, что белорусские поэты и писатели хорошо понимали: русский язык позволит мобилизовать богатые возможности белорусского языка, раскрыть их потенциал, осуществить процедуру общественного одобрения средств народной речи, придать им таким образом статус единиц языка литературного.

Основная задача, которую, как известно, призван решать перевод, состоит в том, чтобы «передать смысл текста (будь то письменного или устного) на одном языке средствами другого языка» [Июмдин 2018]. Из этого следует, что семантические свойства языковых единиц, а также пути и способы достижения их соответствия в оригинале и переводе оказываются основополагающими.

Обратимся к некоторым наблюдениям над языком поэтических произведений А. С. Пушкина и их переводами на белорусский язык, выполненными мастерами белорусского художественного слова. Обобщенный анализ собранного языкового материала позволяет утверждать, что смысловое соотношение оригинала и белорусскоязычного перевода оказывается в рамках трех основных позиций: 1) максимальное, полное совпадение смысла; 2) несовпадение смысла разной степени; 3) отступление от оригинального смысла. Наши выводы в полном объеме совпадают с выводами современного переводоведения, но имеют некоторые особенности.

Общеизвестно, что русский и белорусский языки, относящиеся вместе с украинским к восточнославянской подгруппе славянских языков, являются не просто родственными, а близкород-

ственными. Термин *близкородственные языки* имеет свое лингвистическое содержание, однако для наших наблюдений и рассуждений достаточно понимания его значения на уровне здравого смысла: не просто родственники, а родственники близкие. Из этого следует, что при переводе пушкинских стихотворных произведений возможно привлечение общего лексического фонда, а также использование специфических белорусских слов, совпадающих по значению с русскими или максимально приближенных к ним. Приведем несколько примеров: *Люблю тебя, Петра творенье. / Люблю твой строгий, стройный вид. / Невы державное течение. / Береговой ее гранит. – Люблю цябе, Пятра тварэнне. / Люблю твой строгі, стройны від. / Нявы дзяржаўнае цячэнне. / Берагавой яе граніт (Перевод Я. Купалы). Мороз и солнце; день чудесный! / Еще ты дремлешь, друг прелестный... – Мароз і сонца; дзень цудоўны! / Яшчэ ты дрэмлеш, друг чароўны... (Перевод Р. Бородулина). С своей волчихою голодной / Выходит на дорогу волк; / Его почуя, конь дорожный / Храпит – и путник осторожный... – З сваёй ваўчыхаю галоднай / Выходзіць на дарогу воўк; / Яго пачушы, конь дарожны / Храпе – і путнік асцярожны... (Перевод А. Кулешова).*

Отметим, что фактов практически полного совпадения достаточно пространных отрывков не слишком много. Больше случаев совпадения одной – двух строк с заменой одного слова. Вот примеры: *Встает заря во мгле холодной; / На нивах шум работ умолк... – Зара ўстае ў імгле халоднай; / На полі гоман працы змоўк (Перевод А. Кулешова). Октябрь уж наступил – уж роца отряхает / Последние листы с **нагих** своих ветвей... Кастрычнік надыйшоў – і гай ужо страсае / Апошнія лісты з **пустых** сваіх галін... (Перевод А. Кулешова).* Мы выделили слова, которые полностью по значению не совпадают. Согласно “Русско-белорусскому словарю”, *нагой – голы* [РБС т. 2: 107], *нива – поле* [РБС т. 2: 243].

Понятно, что переводе стихотворных произведений создание смысловых соответствий – не единственная забота переводчика. Нужно еще сохранить стихотворный размер, создать гармоничные с точки зрения просодии строки и строфы, соблюсти по возможности стилистическую окраску и коннотации употребленных автором слов. Все эти действия приводят к тому,

что смысл оригинального текста и его перевода в той или иной степени различаются. Обратимся к примеру.

Из экономии места русский текст строфы XX главы первой романа “Евгений Онегин” приводить не станем: *Театр уж полон; ложи блещут; / Партер и кресла – все кипит...* В строфе 14 строк, их количество естественным образом совпадает в переводе романа на белорусский язык, выполненном А. Кулешовым. Немало строк удалось перевести дословно: *Тэатр паўнюткі; ложы ззяюць; / Партэр і крэслы – ўсё кіпіць... Яна ўзвілася і шуміць – І взвiвiшысь, занавес шумiт... Плыве, як пух ад губ Эола; / То стан звiе, то развiе, / То хуткай ножкай ножку б’е. – Летiт, как пух от губ Эола; / То стан совьет, то разовьет / И быстрой ножкой ножку бьет.*

Неизбежными оказались смысловые потери. Так, например, в русском оригинале нет указания на то, что Истомина наряжена в легкие платки. Ср.: *Ў хусцінкі лёгкай прыбрана* (5 строка). В русском оригинале читаем: *...она/ Одной ногой касаясь пола, / Другою медленно кружит...* Перевод: *...нагой яна/ Кранаецца падлогі квола, / Другою кола абвяла...* Очевидно, что в пушкинском тексте нет указания на то, как Истомина касается пола ногой. Переводчик вводит белорусское наречие *квола* – *несильно, слабо* [ТСБМ т. 2: 678], то есть вносит в текст информацию, которой нет, однако решительно смысл строк не меняется, а соблюсти сложную рифму *квола* – *Эола* удается.

Еще раз обратимся к роману “Евгений Онегин”, который, как мы уже указывали, перевел А. Кулешов. Это строфа 41 (XLI) четвертой главы. В оригинале насчитываем 66 словоупотреблений, в переводе – 63. Шесть строк из четырнадцати переведены дословно.

Однако наблюдения показывают, что не всегда переводчику все удается. *На нивах шум работ умолк / На полі гоман працы змоўк. Нива – поле, возделанное для посева или засеянное хлебом* [СРЯ т. 2: 495]. Белорусское слово *поле* имеет то же значение [ТСБМ т. 4: 288], хотя белорусскому языку известно и слово *ніва*. Вполне успешными можно признать соответствия *шум* – *гоман, работ* – *працы, почуя* – *пачуўшы, распевая* – *з песняю*. А как быть со строкой *Несется в гору во весь дух*, которая в белорусском переводе звучит так: *Ляціць што мае сіл з гары*. Русское наречное

сочетание *в гору* означает *на гору, вверх* [СРЯ т. 1: 132], то есть путник осторожный что есть силы несетя на гору, но не с горы. Устойчивое словосочетание *нестись во весь дух* как раз и показывает, что движение в гору путник осуществляет быстро и изо всех сил [СРЯ т. 1: 454]. С горы же можно нестись быстро, но вряд ли изо всех сил.

Довольно существенные трансформации претерпевает пушкинский текст при переводе второй части строфы. Появляются *труба, селянін*, вместо полуденного часа *позна ўвечары*, а коров пастух созывает уже не в кружок, а *не гоніць дамоў*.

Особенно значимой, на наш взгляд, является утрата стилистической окраски слов. В анализируемой строфе слово *дева* переведено как *дзяўчына*. В истории русского литературного языка этот и подобные факты ярко свидетельствуют о новаторском характере языка произведений Пушкина. Как писал академик В. В. Виноградов, он вкладывал в слово заряд из таких значений, которые раньше представлялись стилистически разобщенными [Виноградов 1982: 252]. Слово *дева*, как и *девчонки* (*Какая радость: будет бал! Девчонки прыгают заране...*), это не просто слова – это события в истории русского литературного языка.

Досадные потери в переводах встречаются. *Снег выпал только в январе на третье в ночь / Другога студзеня якраз снег ноччу лёг; Прогулки тайные в саях / Гулянкi ў полі на саях; А сам в халате ел и тил / А сам у халаце піў, гуляў; Невы державное теченье / Невы дзяржаўнае цячэнне; Прозрачный сумрак, блеск безлунный / Празрысты змрок, бліск цемнаваты*. Элементарного анализа семантики слов достаточно, чтобы выявить хоть и незначительные, но неточности. Каждому говорящему по-русски ясно, что *на третье в ночь* – это и второго поздно вечером и третьего до рассвета. Русское слово *прогулка* по значению вряд ли соответствует белорусскому *гулянка* – 1. *гуляня*, 2. *вечарынка з песнямі (разм.)*, 3. *вясёлае гулянне (разм.)* [ТСБМ т. 2: 95]. Отметим, что русско-белорусский словарь указывает на соответствие *прогулка* – *прагулка* [РБС т. 3: 66]. Перевод же двух глаголов *ел и тил* как *піў, гуляў* делает строку двусмысленной: из замечания о простоте домашнего поведения героя слова превращаются в указание на его антиобщественное поведение. Фамилии переводчиков по этическим соображениям мы не приводим.

Сколько свежести и емкости в пушкинском эпитете *Невы державное течение!* *Державный* – обладающий верховной властью, владетельный, царственный, величественный, могучий [СРЯ т. 1: 389], *дзяржаўны* – які мае адносіны да дзяржавы, *дзяржава* – палітычная арганізацыя [ТСБМ т. 2: 181].

С сожалением отметим и встречающиеся факты эмоционально-экспрессивных сдвигов при переводах. Так, например, пушкинскому стихотворению “19 октября” вовсе не свойственно употребление слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, а в переводе читаем: *Сребрит мороз увянувшее поле / Заслаў мароз дыван бялюткі ў полі; Пылай, камин, в моей пустынной келье / Свяці, агонь, на камінку пустэльным...*

К сожалению, переводы на белорусский язык не позволяют отобразить особенности языковых норм, бытовавших во времена Пушкина. Их вкус и неповторимый аромат знаменует эпоху в истории русского литературного языка, важный этап в становлении и развитии русской художественной речи. Вот несколько примеров: *Открой сомкнуты негой взоры / навстречу северной Авроры / звездю севера явись / Сустрэць паўночную Аўрору / прыдзі, як поўначы зара!* ; *Да за смиренное кладбище / Яшчэ за могілкі старыя...*

Классики белорусской литературы, переводившие произведения А. С. Пушкина на белорусский язык, много потом писали о своем переводческом труде. Так, например, А. Кулешов написал статью “Работа над перекладам “Яўгенія Анегіна” (1950). В ней много наблюдений над языками, их возможностями, реальной практикой перевода. Поэт показывает на примере, как менялись его представления о возможном переводе на белорусский язык известных строк: *Москва... как много в этом звуке / Для сердца русского слилось! / Как много внем отозвалось!* Хотелось как можно точнее сохранить первую строку: *Масква... як многа ў гэтым гуку... Масква...як многа ў гуку гэтым... Масква... як шмат у гэтым гуку... Масква... як шмат у гуку гэтым...* В итоге нашлось такое решение: *Масква...як многа ў слове гэтым / Для сэрца рускага чуцно! / Як многа будзіць дум яно!* [Пушкин 1999: 218].

Остановимся, предвидя возможные упреки в том, что потери при переводах неизбежны, что следует оценивать общекуль-

турное значение существующих и создающихся переводов, а не копаться в оттенках смыслов и прочих мелочах. Согласимся с этим и укажем, что белорусская Пушкиниана как культурное событие прошлого и настоящего исполнена высокого созидательного смысла. Она доказывает, что влияние гения на общественное развитие выходит за рамки его родного народа и родного языка, что творчество гения ценно своим гуманистическим пафосом, проникающим в сознание и душу человека как такового. Всем белорусам очень повезло, оттого что Пушкин оказался так близко к нам в духовном и ментальном пространстве.

Библиографический список

А. С. Пушкін і Беларусь [Текст]. – Мінск : Беларуская навука, 1999. – 428 с.

Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков [Текст]. – М. : Высшая школа, 1982. – 529 с.

Иомдин, Л. Л. Уроки машинного перевода для взрослых и детей [Электронный ресурс]. – URL: http://cl.iitp.ru/bibitems/lessons_winter_school.pdf (дата обращения: 04.06.2018).

Пушкиниана [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/194950> (дата обращения: 04.06.2018).

Русско-белорусский словарь [Текст] : в 3-х томах / под ред. А. А. Лукашанца. – Минск, 2012.

Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. – М. : Рус. яз., 1985-1988.

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы [Текст]. У 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : БСЭ, 1977-1984.